

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ORATIO RECTA В *BELLUM GALLICUM* ЦЕЗАРЯ (VII 77)

А.О. Захарченко

*Московский государственный лингвистический университет
имени Мориса Тореза; Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет, Москва, Россия; anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

А.Е. Беликов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; belikov.smtu@gmail.com*

Аннотация: Настоящая статья посвящена структурным элементам прямой речи в 77-й главке VII книги *‘Bellum Gallicum’* Цезаря. Эта речь (как и персонаж, ее произносящий) является плодом воображения Цезаря и играет важную роль в нарративе. Она звучит в кульминационный момент всего повествования о военной кампании в Галлии — перед битвой при Алезии — и выделяется на фоне остальных пассажей с прямой речью в *‘Bellum Gallicum’*. Речь знатного и влиятельного галла Критоognата имеет целью убедить осажденных в Алезии проявить стойкость перед лишениями. В результате анализа этого пассажа с прямой речью мы пришли к заключению, что она построена во многом так же, как косвенная речь Цезаря перед войском в I книге *‘Bellum Gallicum’*. Сближают обе речи и ситуации, в которых они произносятся, и риторические фигуры, с помощью которых говорящие придают большую убедительность своим словам, и эффект, произведенный речами на слушателей. Помимо этого, Цезарь в речи Критоognата буквально повторяет некоторые свои выражения, использованные им в косвенной речи в той же VII книге *‘Bellum Gallicum’* незадолго до речи Критоognата. Таким образом, особенно длинные пассажи прямой речи Цезарь строит так же, как и косвенную речь, которая в его прозе встречается крайне часто. Отличительной чертой косвенной речи в прозе Цезаря является нагруженность большим количеством придаточных предложений и причастных конструкций, позволяющих изложить несколько обстоятельств в сжатой форме. Цезарь переносит эти закономерности и в структуру прямой речи, несмотря на то что такие обороты не являются отличительной чертой звучащей речи — *pronuntiatio*. Заслуживает также внимания и то, что, согласно нашему исследованию, Цезарь не занимается стилизацией речей в *oratio recta*: им присущи те же стилистические особенности, что и *oratio obliqua*, вне зависимости от того, кем они произносятся.

Ключевые слова: Цезарь; *Bellum Gallicum*; прямая речь; косвенная речь; риторические фигуры; причастие

Для цитирования: Захарченко А.О., Беликов А.Е. Принципы организации oratio recta в *Bellum Gallicum* Цезаря (VII 77) // Вест. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 5. С. 77–88.

PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF ORATIO RECTA IN CAESAR'S *BELLUM GALLICUM* (VII 77)

Anna O. Zakharchenko

Moscow State Linguistic University; Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Moscow, Russia; anna.zakharchenko.jim@gmail.com

Alexey E. Belikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; belikov.smu@gmail.com

Abstract: This article examines the structural elements of direct speech in Chapter 77 of Book VII of Caesar's *Bellum Gallicum*. This speech (like the character delivering it) is a product of Caesar's imagination and plays an important role in the narrative. It occurs at the climax of the entire narrative of the military campaign in Gaul — before the Battle of Alesia — and stands out among the other passages of direct speech in *Bellum Gallicum*. The speech, delivered by the noble and influential Gaul Critognatus, aims to persuade those besieged in Alesia to persevere in the face of hardship. Our analysis of this passage of direct speech suggests that it is structured much like Caesar's indirect speech to his troops in Book I of *Bellum Gallicum*. The two speeches are similar in the situations in which they are delivered, the literary devices with which the speakers lend greater persuasiveness to their words, and the effect the speeches produce on the audience. Furthermore, in Critognatus' speech, Caesar literally repeats some of his own expressions used in indirect speech in Book VII of *Bellum Gallicum* shortly before Critognatus' speech. Thus, Caesar constructs particularly long passages of direct speech in the same way as indirect speech, which is extremely common in his prose. A distinctive feature of indirect speech in Caesar's prose is its abundance of subordinate clauses and participial constructions, allowing several circumstances to be presented succinctly. Caesar carries these patterns over into the structure of direct speech, despite the fact that such constructions are not a feature of pronounced speech. It is also noteworthy that, according to our research, Caesar does not engage in stylization of speeches in *oratio recta*: they have the same stylistic features regardless of who delivers them.

Keywords: Caesar; *Bellum Gallicum*; direct speech; indirect speech; literary devices; participle

For citation: Zakharchenko A.O., Belikov A.E. (2026) Principles of Organization of oratio recta in Caesar's *Bellum Gallicum* (VII 77). *Lomonosov Philology Journal*, no. 5, pp. 77–88.

Проза Цезаря содержит удивительно большое количество пассажей с косвенной речью: 125 контекстов в *'Bellum Gallicum'*, 66 — в *'Bellum civile'* [Grillo 2018: 133]. Особая концентрация таких пассажей присуща первым книгам *'Bellum Gallicum'*. Использование косвенной речи с подобной частотностью восходит к официальному стилю [Krebs 2023: 37], который сложился еще в архаическом языке для фиксации решений сената [Clackson, Horrocks 2007: 152]. Цезарь развивает его до небывалых масштабов и степени риторической обработки [Huart 1954: 171], превращая таким образом в художественный прием. Зачастую с помощью *oratio obliqua* Цезарь излагает информацию с чужих слов (Caes. *b. G.* V 27), приводит разные точки зрения (например, ход ведения переговоров, как в Caes. *b. G.* I 43–45) или свой собственный мыслительный процесс (Caes. *b. G.* I 33). Иногда же косвенная речь выполняет гораздо более важную функцию и является двигателем для развития последующих действий. Приведем следующий пример.

Первая книга *'Bellum Gallicum'* содержит речь Дивициака, умоляющего Цезаря защитить эдуев и всю Галлию от германцев во главе с Ариовистом (Caes. *b. G.* I 31). Эта *oratio obliqua* играет крайне важную роль в нарративе: кампания Цезаря в Галлии могла бы завершиться после устранения угрозы, которую представляли геллы границы римской провинции. Теперь же Цезарь нуждается в предлоге не покидать Галлию и продолжить свою активную внешнюю политику. Ситуацию усложняет и то, что Ариовист за год до описываемых событий — в консульство самого Цезаря — получил статус «друга римского народа», что требовало особых объяснений со стороны Цезаря о причинах агрессии в его сторону. По этой причине речь Дивициака начинается с отступления: над Галлией главенствовали две «партии», одна из которых для борьбы со второй и обретения абсолютной власти пригласила из-за Рейна германцев. В итоге последние не только выполнили поручение, но и завладели большей частью территорий пригласившей их стороны, угрожая отнять и оставшуюся. Несомненно, этим они не удовольствуются и захватят затем всю Галлию. Немаловажную роль в речи Дивициака играет тот портрет Ариовиста, который он создает:

Ariovistum autem <...> superbe et crudeliter imperare, obsides nobilissimi cuiusque liberos poscere et in eos omnia exempla cruciatusque edere, si qua res non ad nutum aut ad voluntatem eius facta sit. hominem esse barbarum, iracundum, temerarium (Caes. *b. G.* I 31, 12–13).

‘Ариовист же <...> правит заносчиво и жестоко: он требует в заложники детей всех знатных людей и предаёт их всяческим пыткам, когда что-то случается против его воли. Он варвар, гневливый и безрассудный человек’.

Если для галлов, которые у римлян считаются варварами, Ариовист, в свою очередь, ввиду крайней жестокости и необузданности варвар, то такой противник должен представлять двойную угрозу в римском сознании. За приведенным контекстом следуют заверения Дивициака, что если Цезарь не поможет, то германцы подчинят себе всю Галлию. Цезарь не дает эмоциональной реакции на эту речь, однако ход его мыслей — также в косвенной речи — свидетельствует, что он понимает степень угрозы, исходящей от германцев, и опасается их последующей агрессии в сторону римской провинции. Таким образом, две эти косвенные речи предоставляют обоснование и оправдание действий Цезаря в глазах римского народа.

Что же до *oratio recta*, в первых трех книгах *‘Bellum Gallicum’* она не встречается вовсе, в четвертой представляет из себя одну короткую реплику, в пятой таких реплик становится две, как и в шестой. Смена монотонного, «нейтрального» стиля повествования на прямую речь неизбежно должна была привлекать внимание читателя / слушателя *‘Bellum Gallicum’*. Чаще всего Цезарь использовал это для того, чтобы подготовить аудиторию к последующим важным событиям. Ярким примером является употребление *oratio recta* в пятой книге *‘Bellum Gallicum’*. Квинт Сабин и Луций Котта, командовавшие легионом в отсутствие Цезаря, получают от галлов весть, что если они сейчас же не покинут лагерь и не перейдут в другое место, то будут уничтожены превосходящими силами Амбиорига и германцев, которые уже держат путь в их сторону. На военном совете высказываются полярные мнения: Сабин верит донесению галлов и настаивает на выведении войск в сторону зимних квартир Лабиена или Цицерона, Котта же предлагает проявить стойкость перед лицом угрозы, о которой они знают только со слов врага, и дожидаться помощи от Цезаря. Тогда Сабин громко, чтобы слышали и солдаты, кричит:

Si gravius quid acciderit, abs te rationem reposcent; qui si per te liceat, perendino die cum proximis hibernis coniuncti communem cum reliquis belli casum sustineant, non reiecti et relegati longe a ceteris aut ferro aut fame intereant (Caes. *b. G.* V 30, 2–3).

‘Если случится беда, [солдаты] от тебя потребуют ответа. Если бы ты согласился, они бы уже послезавтра, соединившись с легионами ближайших зимних квартир, делили бы с ними трудности войны, а не были бы брошенными и посланными на погибель от меча или голода вдали от остальных’.

Именно это эмоциональное высказывание Сабина решило исход спора: было принято решение покинуть зимние квартиры и двинуться по направлению к соседним. Это решение оказалось роковым. Амбиориг, не сдержав данного слова, устроил засаду римлянам, что

повлекло за собой гибель целого легиона. Сложно переоценить важность приведенного пассажа для общей канвы повествования в пятой книге *'Bellum Gallicum'*. Для Цезаря было чрезвычайно важно снять с себя вину за столь катастрофическое поражение и потерю стольких солдат. С помощью прямой речи он привлекает внимание к истинной — как он хочет это показать — причине произошедшего: малодушию одного из командиров легиона.

Иногда же короткие пассажи с *oratio recta*, напротив, служат привлечению внимания к фигуре Цезаря, даже если сам он в описываемой ситуации отсутствует. Ярким примером является реплика Лабиена, обращенная к войску:

Praestate eandem nobis virtutem, quam saepe numero imperatori praestitistis, atque illum adesse et haec coram cernere existimate (Caes. *b. G.* VI 8, 4).

Проявите передо мной ту же доблесть, какую вы часто проявляли перед главнокомандующим [*sc.* Цезарем], и считайте, что он сам здесь и смотрит на вас'.

Совершенно иначе выстроена прямая речь в Caes. *b. G.* VII 77. Седьмая книга, являющаяся во многих отношениях венцом *'Bellum Gallicum'* [Krebs 2023: 39], содержит самый длинный пассаж с *oratio recta*.

Галлы, осажденные римскими войсками в Алезии, испытывают всяческие лишения и собираются на совет. Предлагаются различные варианты действий: одни ратуют за то, чтобы сдаться, другие советуют предпринять дерзкую вылазку наудачу. Критогнат, отличающийся своими влиянием и знатностью, берет слово и держит его на протяжении тейбнеровской страницы. Заслуживает внимания, что и речь, и тот, кто ее произносит, являются плодами воображения Цезаря [Krebs 2023: 311]. *Oratio* соответствует всем канонам, прописанным в риторических пособиях [Grillo 2018: 139]. Уже выбор слов для описания Критогната указывает на то, что последующая речь занимает особое место в нарративе. Цезарь использует слово *ortus*, говоря о происхождении галла, в то время как обычным для него способом передачи этого значения является *natus*. Причастие *ortus* относится к словам возвышенного стиля, присущего поэзии. Как известно, Цезарь не использовал синонимы без необходимости и в его прозе обычно одно понятие выражается одним словом [Eden 1962: 97]. Показательно, что, по свидетельству Светония, Цезарь использует это же причастие в выступлении на похоронах своей тетки Юлии, жены Гая Мария, когда говорит о собственном происхождении (Suet. *Jul.* 6, 2). Кроме того, речь Критогната является единственным контекстом с *oratio recta*, к которому Цезарь делает некое вступление: он говорит, что невозможно обойти вниманием эту речь

ввиду ее крайней жестокости (Caes. b. G. VII 77, 2). Эта невозможность умолчать о том, что говорил галлам Критогнат, перекликается с его первой фразой, содержащей фигуру *praeteritio* — прохождение [Lausberg 1990: § 882–886]:

‘Nihil’ inquit ‘de eorum sententia dicturus sum qui turpissimam servitutem deditionis nomine appellant’ (Caes. b. G. VII 77, 3).

‘Я ничего, — сказал он, — не буду говорить о тех, кто называет капитуляцией позорнейшее рабство’.

Эта фраза играет роль вступления — *exordium*. Следом за ним идут две примерно равные по объему части речи: в первой Критогнат высказывается против вылазки, поскольку она не принесет ничего, кроме гибели всего отряда; во второй же части призывает галлов к стойкости, чего бы она ни стоила, и приводит пример для подражания: их предки прибегали даже к каннибализму в отношении тех, кто был не способен к бою, лишь бы не сдаваться кимбрам и тевтонам (Caes. b. G. VII 77, 12). Основная мысль Критогната, которую он хочет донести до галлов, следующая: они в ответе не только за свои жизни, но и за благополучие и свободу всей Галлии. В заключение он обращает внимание слушателей на то, что часть Галлии уже стала римской провинцией, обремененной «вечным рабством» (Caes. b. G. VII 77, 16). Таким образом, прослеживается кольцевая композиция речи: начав с понятия *servitus*, Критогнат заканчивает им же. Ключевыми понятиями являются также *libertas* и *constantia*.

Речь Критогната содержит большое количество риторических фигур. Помимо исторического примера [Lausberg 1990: § 410–426] и повтора основных понятий он также использует ряды риторических вопросов [Lausberg 1990: § 767–770]:

An, quod ad diem non venerunt, de eorum fide constantiaque dubitatis? quid ergo? Romanos in illis ulterioribus munitionibus animine causa cotidie exerceri putatis? (Caes. b. G. VII 77, 10).

‘Или из-за того что они [sc. галльские войска] не пришли в срок, вы сомневаетесь в их верности и стойкости? Что же? Думаете, римляне ежедневно возводят дальние укрепления потехи ради?’.

Особой выразительности служит и аллитерация:

Nolite <...> omnem Galliam **prosternere et perpetuae** servituti addicere (Caes. b. G. VII 77, 9).

‘Не бросайте всю Галлию на произвол судьбы и не приговаривайте ее к вечному рабству’.

Откуда у галла такое умение обращаться со словом? Ответ на этот вопрос помогает найти сравнение этой речи с теми, что писал Цезарь в предыдущих книгах ‘Bellum Gallicum’. И наибольшее сходство обнаруживается именно в пассажах с *oratio obliqua*. Косвенная речь

в прозе Цезаря также выстраивается по риторическим правилам [Murphy 1949: 125]. Наиболее близко речь Критоignата стоит к речи Цезаря к войску в первой книге (Caes. *b. G.* I 40). Согласившись помочь эдуюм в борьбе с германцами после просьбы Дивициака, Цезарь столкнулся со следующей сложностью. Его легионы, в страхе из-за рассказов о зверствах германцев, отказывались идти войной на Ариовиста. Задерживался и подвоз провианта, что добавляло беспокойства и без того смятенным солдатам. По всему лагерю составлялись завешания, некоторые ссылались на сложности пути, а некоторые в открытую высказывались за отступление. Тогда Цезарь обратился к легионам с речью, занимающей целую тейбнеровскую страницу. В этой *oratio obliqua* Цезарь обвиняет легионы в несдержанности и малодушии перед лишениями. За этим следует ряд риторических вопросов:

Quodsi furore atque amentia impulsus bellum intulisset, quid tandem vererentur? aut cur de sua virtute aut de ipsius diligentia desperarent? (Caes. *b. G.* I 40, 4).

‘Если [Ариовист] в бешенстве и безумии начнет войну, чего же им бояться? И почему они сомневаются в собственной доблести и в его [sc. Цезаря] компетентности?’.

После этих слов Цезарь приводит тот же исторический пример, что и Критоignат в седьмой книге, — кимбров и тевтонов, с которыми римским войскам однажды уже удалось справиться. В конце концов, германцев разбивали и геллы, над которыми легионы Цезаря совсем недавно одержали победу. Обращение к этим примерам служит одной цели: призвать солдат к стойкости — *constantia*. Ровно ту же цель преследовал и Критоignат, прибегая к схожим приемам. В обеих речах, таким образом, ведется рассуждение о Будущем с использованием оценки Настоящего и примера из Прошлого [Lausberg 1990: § 228].

Наконец, Цезарь отвечает на доводы солдат о сложности пути и их опасения о подвозе провианта:

Qui suum timorem in rei frumentariae simulationem angustiasque itineris conferrent, facere arroganter, cum aut de officio imperatoris desperare aut praescribere viderentur (Caes. *b. G.* I 40, 10).

‘Те же, кто скрывает свой страх, притворяясь, что беспокоится о продовольствии или трудностях пути, проявляют дерзость, поскольку не верят, похоже, в своего полководца и дают ему предписания’.

Неправильное наименование и его корректировка — то, с чего начал свою речь Критоignат: что другие именуют капитуляцией, на самом деле является позорным рабством. Тот же прием использует Цезарь и в изложении собственной речи к войску: беспокойство

о том, подвезут ли провиант и будет ли сложен путь, верно назвать обычным страхом. Такое ошибочное наименование и последующее исправление — общее место для историографии. Например, Саллюстий в *‘Catilinae Coniuratio’* прибегает к этому приему:

Hic mihi quisquam mansuetudinem et misericordiam nominat! Iam pridem equidem nos vera vocabula rerum amisimus: quia bona aliena largiri liberalitas, malarum rerum audacia fortitudo vocatur, eo res publica in extremo sita est (Sall. Cat. 52, 11).

И здесь мне кое-кто говорит о мягкости и милосердии! Мы уже давно утратили верные названия вещам: раздача чужого имущества называется щедростью, дерзость в дурных поступках — храбростью. Потому государство и стоит на краю пропасти’.

Приведенный пассаж — часть выступления Катона, призывающего по всей строгости наказать участников заговора Катилины. Занимательно, что произносятся эти слова в ответ на речь Цезаря, выступавшего, напротив, за смягчение приговора. Катон таким образом обвиняет Цезаря в неправильном наименовании вещей, которые подаются под видом мягкости и милосердия, а на деле — попытка защитить представителей аристократии от гибели.

Завершает свою речь к войску Цезарь заверением, что его совершенно не взволнует, если часть солдат не повинуются его приказу и не пойдут против германцев. Ему же достаточно одного — самого верного — легиона, с которым он продолжит свою кампанию. Такой мнимый отказ от того, чтобы настаивать на своем, а также выражение особого предпочтения избранной группе людей на деле являются еще одним средством убеждения. Именно после этого все войско воодушевилось и перестало сомневаться в предводителе. К такому же приему прибегает и Критогнат в начале своей речи: с теми, кто предлагает сдаться, он и разговаривать не желает. В его интересах обсуждать положение дел только с готовыми на вылазку галлами.

Captatio benevolentiae — завоевание внимания слушателя — обычно осуществляется оратором во вступлении. Этот прием может опускаться в совещательном роде [Lausberg 1990: § 285], к которому относятся рассматриваемые нами речи. Однако в обеих ситуациях произнесения речей часть аудитории не только слушает, но и высказывает собственное мнение. Поэтому и Цезарь, и Критогнат прибегают к *captatio*, чтобы воздействовать на слушателей и нейтрализовать возможные контраргументы. При этом Цезарь в речи к войску делает это более мягко. Для тех, кто напуган рассказами галлов о зверствах германцев, он приводит рациональные аргументы: римские легионы под его предводительством имеют все шансы победить неприятеля. На тех же, кто притворно ссылается на тяже-

сти пути и подвоза провианта, пытаясь скрыть свой страх, Цезарь воздействует эмоционально — обвиняет их в *arrogantia*, что является одним из стандартных способов дискредитации оппонента (*Cic. inv.* I 22). Критогнат, в свою очередь, к группе тех, кто высказывал мнение, противоречившее его собственному, применяет фигуру прохождения, отказываясь говорить о них, и использует аргумент от дефиниции — предлагаемая ими капитуляция должна называться рабством. По отношению к трусости выступающих за то, чтобы сдаться римлянам, Критогнат выказывает *contemptio* — также стандартный прием для дискредитации оппонента (*Ibid.*). Заслуживает отдельного внимания то, что Цезарь явно стремится привлечь — *conciliare* — речью всех слушателей и убедить их в собственной правоте, в то время как Критогнат проявляет особую жесткость и обвиняет в слабости всю аудиторию.

Как видно, структура, риторические приемы и даже цели, которые достигаются с помощью обеих речей, во многом схожи. Можно сделать вывод, что Цезарь при написании речи Критогната опирался на свои же речи, которые приводил в *oratio obliqua* в первой книге. Еще одним свидетельством этого является активное использование причастных конструкций: в речи Критогната их 11: 5 конструкций *ablativus absolutus* и 6 причастных оборотов. При *oratio obliqua* такое использование оправдано, поскольку в таком случае Цезарь передает определенные идеи — собственные или других участников событий — своими словами в сжатом виде. И его стилю присуще обильное использование как причастных оборотов, так и конструкций *ablativus absolutus*. Звучащей же речи — *pronuntiatio* — такое употребление не свойственно [Laughton 1964: 156; Pinxter 2021: 5]. Об этом можно судить в частности по тому, что Цицерон употребляет *ablativus absolutus* в 10 раз реже, чем Цезарь [Adams 2005: 75].

Таким образом, Цезарь никак не стилизует речи в *oratio recta*, и они построены так же, как до этого выстраивались пассажи с косвенной речью. Иногда Цезарь даже использует одни и те же формулировки сначала в собственной речи, переданной с помощью *oratio obliqua*, а затем в *oratio recta* других участников событий. Речь Критогната не стала исключением. Например, в 54-й главке седьмой книги *‘Bellum Gallicum’* описывается, как знатные эдуи отпрашиваются у Цезаря отправиться к своим, якобы чтобы удержать их в повиновении. Цезарь, познав уже степень вероломства эдуюв, не верит в истинность этих намерений, но все же отпускает князей, произнеся перед их отъездом речь. В этой *oratio obliqua* перечисляются заслуги Цезаря перед эдуями, которые находились в крайне затруднительном положении, но благодаря его вмешательству начали процветать:

Discedentibus iis breviter sua in Haeduos merita exposuit, quos et quam humiles acceperisset — compulsos in oppida, multatos agris, omnibus ereptis copiis, imposito stipendio, obsidibus summa cum contumelia extortis — et quam in fortunam quamque in amplitudinem deduxisset (Caes. b. G. VII 54, 3).

При их отъезде [Цезарь] кратко изложил свои заслуги перед эдуюми: насколько принижены были они принят — согнанными в города, лишенными своих земель и всего имущества, вынужденными платить дань и позорнейшим образом выдать заложников — и насколько он их возвысил’.

Приведенный пассаж является яркой иллюстрацией того, как часто в *oratio obliqua* Цезаря могут встречаться причастные конструкции: в данном случае их пять подряд. Кроме того, словосочетание *compulsi in oppida* встречается и в речи Критоignата:

Qui in oppida compulsi ac simili inopia subacti eorum corporibus, qui aetate ad bellum inutiles videbantur, vitam toleraverunt (Caes. b. G. VII 77, 12).

‘Они [sc. наши предки], согнанные в города и подвергавшиеся подобным лишениям, поддерживали жизнь за счет тел тех, кто был по возрасту непригоден для войны’.

Как видно из приведенных выше аргументов, речь Критоignата в Caes. b. G. VII 77 построена так же, как речь самого Цезаря, изложенная с помощью *oratio obliqua* в 40-й главке первой книги. Обе речи произнесены в схожей обстановке: двум лидерам важно призвать своих слушателей к стойкости перед лицом опасности и лишений. Сближают речи и те риторические приемы, которые были выбраны для достижения цели: ряды риторических вопросов, корректировка неправильного наименования, обращение к одному и тому же историческому примеру, мнимый отказ от отстаивания своей точки зрения. Схоже и синтаксическое строение речей: они содержат большое количество причастных конструкций, не свойственных звучащей речи. Кроме того, один из этих оборотов — буквальное повторение из *oratio obliqua* Цезаря в 54-й главке той же седьмой книги ‘*Bellum Gallicum*’. Таким образом, Цезарь, достигнув триумфа в построении косвенной речи, переносит те же закономерности в структуру длинных пассажей с *oratio recta*, никак не стилизуя в этом случае свою прозу под звучащую речь или под конкретное действующее лицо. Критоignат — зеркальное отражение Цезаря, и их речи никак не различимы в стилистическом отношении. Разница заключается только в одном пункте содержания, на который Цезарь указал еще до начала речи галла: она отличается безмерной жестокостью. В таком случае напрашивается вывод, что Цезарь ровно противоположен и его черта — мягкость. Оба оратора стремятся

доказать *utilitas* своих положений — продемонстрировать, что предлагаемые ими действия наиболее полезны в сложившейся ситуации [Lausberg 1990: § 234]. И Цезарь в речи к войску, и Критогнат успешны в убеждении аудитории в собственной правоте, как мы показали выше. Однако последний в качестве полезного решения для достижения высокой цели Свободы предлагает жестокость — *crudelitas*. Несомненно, в глазах римского читателя/слушателя это должно было поставить под вопрос не только моральный облик Критогната и его народа, но и саму цель «варварской свободы». Цезарь же, напротив, через *utilitas* апеллирует к более возвышенным понятиям: *virtus* (3 раза), *officium*, *innocentia*, *pudor*. Уже в седьмой книге ‘*Bellum Gallicum*’ можно усмотреть, что Цезарь создает себе определенный политический образ, который полноценно сложится в ‘*Bellum civile*’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Adams J. N. *Bellum Africum* // Aspects of the Language of Latin Prose. Oxford, 2005. P. 73–96.
2. Clackson J., Horrocks G. *The Blackwell History of the Latin Language*. Malden, 2007.
3. Eden P. T. *Caesar's Style: Inheritance versus Intelligence* // Glotta, vol. 40, 1962. P. 74–117.
4. Grillo L. *Speeches in the Commentarii* // Cambridge Companion to the Writings of Julius Caesar. Cambridge, 2018. P. 110–130.
5. Hyart C. *Les origines du style indirect latin et son emploi jusqu'à l'époque de César*. Brussels, 1954.
6. Krebs C. B. *Caesar: Bellum Gallicum Book VII*. Cambridge, 2023.
7. Laughton E. *The Participle in Cicero*. Oxford, 1964.
8. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik*. 2 Bde. München, 1990.
9. Murphy C. *The use of speeches in Caesar's Gallic War* // The Classical Journal, vol. 45, 1949. P. 120–127.
10. Pinxter H. *The Oxford Latin Syntax*. Vol. 2. Oxford, 2021.

REFERENCES

1. Adams J. N. *Bellum Africum*. Aspects of the Language of Latin Prose. Oxford, Oxford University Press, 2005, pp. 73–96.
2. Clackson J., Horrocks G. *The Blackwell History of the Latin Language*. Malden, Blackwell Publishing, 2007. 324 p.
3. Eden P. T. *Caesar's Style: Inheritance versus Intelligence*. Glotta, vol. 40, 1962, pp. 74–117.
4. Grillo L. *Speeches in the Commentarii*. Cambridge Companion to the Writings of Julius Caesar. Cambridge, Cambridge University Press, 2018, pp. 110–130.
5. Hyart C. *Les origines du style indirect latin et son emploi jusqu'à l'époque de César* [The origins of Latin indirect style and its use up to the time of Caesar]. Brussels, 1954. 283 p.
6. Krebs C. B. *Caesar: Bellum Gallicum Book VII*. Cambridge, Cambridge University Press, 2023. 404 p.
7. Laughton E. *The Participle in Cicero*. Oxford, Oxford University Press, 1964. 161 p.

9. Lausberg H. *Handbuch der literarischen Rhetorik* [Handbook of Literary Rhetoric]. 2 Bde. München, *Franz Steiner Verlag Stuttgart*, 1990. 983 p.
10. Murphy C. *The use of speeches in Caesar's Gallic War*. *The Classical Journal*, vol. 45, 1949, pp. 120–127.
11. Pinxter H. *The Oxford Latin Syntax*. Vol. 2. Oxford, *Oxford University Press*, 2021. 1438 p.

Поступила в редакцию 13.04.2026

Отредактирована 06.08.2026

Принята к публикации 31.08.2026

Received 13.04.2026

Revised 06.08.2026

Accepted 31.08.2026

ОБ АВТОРАХ

Анна Олеговна Захарченко — преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ имени Мориса Тореза; преподаватель кафедры классической филологии ПСТГУ; *anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Алексей Евгеньевич Беликов — к.ф.н., доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; *belikov.smu@gmail.com*

ABOUT THE AUTHORS

Anna O. Zakharchenko — teacher, Department of Classics, Moscow State Linguistic University; teacher, Department of Classics, Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities; *anna.zakharchenko.jim@gmail.com*

Alexey E. Belikov — PhD, Associate Professor, Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *belikov.smu@gmail.com*